

ЛУИЗА ГЛИК

ДИКИЙ
ИРИС

НОЧЬ,
ВСЕОХВАТНАЯ
НОЧЬ

АВЕРН

INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Coe)-5
Г54

Louise Glück
THE WILD IRIS
AVERNO
FAITHFUL AND VIRTUOUS NIGHT
THE WILD IRIS, Copyright © 1992, Louise Glück
AVERNO, Copyright © 2006, Louise Glück
FAITHFUL AND VIRTUOUS NIGHT, Copyright © 2014, Louise Glück
All rights reserved

Перевод с английского *Дмитрия Кузьмина, Андрея Сен-Сенькова, Ивана Соколова*
Художественное оформление *Виктории Лебедевой*
Литературный редактор сборника «Дикий ирис» *Валерий Нугатов,*
литературный редактор сборников «Аверн», «Ночь, всеохватная ночь» *Мария Фалксман*

Глик, Луиза.

Г54 Дикий ирис; Аверн; Ночь, всеохватная ночь / Луиза Глик ;
[перевод с английского И. Соколова, А. Сен-Сенькова, Д. Кузь-
мина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с.
ISBN 978-5-04-174719-0

Под одной обложкой сразу три цикла стихов лауреата Нобелевской премии Луи-
зы Глик — «Дикий ирис», «Аверн» и «Ночь, всеохватная ночь».

Голос поэтессы обращается к нам с обманчивой простотой, она рассказывает исто-
рию, к которым хочется возвращаться. Ее мрачная интеллектуальность и зверское
остроумие никого не оставляют равнодушными. Связанные воедино универсальны-
ми темами, стихотворения помогают нам исследовать и принимать испытания жизни.

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Coe)-5

eksmo.ru

Официальный
интернет-магазин
издательства «Эксмо»

© Кузьмин Д., Сен-Сеньков А., Соколов И.
перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электрон-
ной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным
способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя.
Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является
незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Глик Луиза

ДИКИЙ ИРИС. АВЕРН. НОЧЬ, ВСЕОХВАТНАЯ НОЧЬ

Руководитель отдела А. Зальнова. Ответственный редактор Е. Гришина
Выпускающий редактор Л. Иванова. Художественный редактор Р. Фахрутдинов
Технический редактор О. Левкин. Компьютерная верстка Е. Бобылева
Корректор Л. Дельцова

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

Дата изготовления / Подписано в печать 28.11.2023. Формат 84x108¹/₃₂.
Гарнитура Adonis. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Тираж экз. Заказ

Хочешь стать
автором «Эксмо»?

ТЕРИТОРИЯ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Официальная франшиза
издательства «Эксмо»

■ ЧИТАЙ · ГОРОД

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

ISBN 978-5-04-174719-0

9 785041 747190 >

INSPIRIA

www.inspiria.ru

Мы в СОЦСЕТЯХ:

@inspiria_books

Мы должны вернуться

Луиза Глик, нобелевский лауреат 2020 года, родилась в 1943 году в Нью-Йорке в еврейской семье; пишут, что по материнской линии в роду выходцы из России (в биографиях крупных американских поэтов XX века это частая строчка), но мы, с учётом черты оседлости, понимаем, что, скорей всего, то была Украина или Беларусь. Подрастком Луиза была крайне уязвимым, из-за чего с трудом окончила школу и после этого никуда не поступала, предпочтя учёбе многолетний психоанализ, который, по собственному признанию, и стал для неё университетом. Затем Глик занималась в поэтических мастер-классах, в 1968 году выпустила дебютную книгу стихов «Первенец» (название, о чём читатели смогли догадаться лишь годы спустя, отсылает к одной из определивших всю жизнь поэтессы детских травм: её старшая сестра за два года до её рождения прожила лишь семь дней).

Ранние стихи Глик — по большей части короткие зарисовки из повседневной жизни, полные чудовищного, никак не вытекающего из материала нервного напряжения.

ты рассказывают о возможности принятия мира и себя в мире; снова и снова человек жалуется на невозможность принятия — и снова и снова бог пеняет человеку на неспособность увидеть и ощутить в мире то, что позволит его принять. Но человек, как водится, слышит только себя. «Дикий ирис» — череда речей, произносимых одним и тем же хорошо узнаваемым голосом; диалог и не может возникнуть, если голос в конечном счёте один. Однако цикличность взаимных упрёков возмещает на метауровне ту главную недостачу, из которой рождается человеческий ропот: линейность жизни, недоступность человеку циклического бессмертия цветка, умирающего осенью и возрождающегося весной.

Вершинные достижения Глик, книги нынешнего столетия, ещё в большей мере, чем «Дикий ирис», выстроены в единое целое. Сложный композиционный ритм образуется чередованием небольших поэм с миниатюрами, единая, хотя и весьма пунктирная сюжетная линия поддерживается сквозным набором мотивов и ключевых слов. В сюжетах Глик сквозь житейские, в большей или меньшей степени автобиографические истории всё время просвечивают какие-то мифологические прецеденты, то в героине проступит Эвридика, то в герое — король Артур. Опыт психоанализа глубоко вшит в способ её размышлений об устройстве человеческой личности и судьбы, а аскетизм выразительных средств, предельная сдержанность словаря идут напрямую от Эмили Дикинсон, от которой Глик унаследовала и пристрастие к тире: они у неё то и дело возникают в конце строки — и ничего не присоединяют к сказанному, размыкая мысль и эмоцию в белое поле страницы. Получаются наружно простые стихи, но по-русски

не имеющие аналогов и с трудом возможные; впрочем, можно было бы пофантазировать, как развивалось бы письмо Елены Шварц, если бы её юность прошла под знаком психоаналитического самопознания, а зрелые годы — в той же неприкаянности и непокое, но в статусе высокочтимого профессора лучших университетов мира.

Книга «Аверн», вышедшая в 2006 году, носит название вулканического озера в Италии, где, как верили древние римляне, находится спуск в подземное царство, царство мёртвых. Три перетекающие друг в друга героини книги — сама поэтесса, явившаяся из античной мифологии Персефона, дочь богини земли Деметры, похищенная повелителем царства мёртвых Аидом, и ещё некая девушка из криминальной хроники, о которой почти ничего не известно. Каждая из трёх пытается разобраться в травматическом опыте своей жизни, который при ближайшем рассмотрении оказывается совсем не таким однозначным, как можно было бы предполагать. Однако то, к чему ведёт их труд самопознания, размыкается обрывающим фразой тире в белое поле молчания. «Меня привлекает пропуск, невысказанность, подразумевание, красноречивое умышленное молчание», — пишет Глик в одном из своих эссе о поэзии, и психоанализ тоже напоминает нам о том, что самое главное — то, что не высказано или высказано в виде невольной обмолвки. Но, разумеется, любая крохотная обмолвка в поэзии Глюк встроена с ювелирной точностью в сложнейшую архитектуру всей книги.

Особенного совершенства словесное зодчество Глик достигает в книге 2014 года «Ночь, всеохватная ночь» (в оригинальном английском названии ночь характеризуется другими эпитетами, возникающими из не-

воспроизводимой в переводе игры слов). Вот показательный пример: одному из персонажей-рассказчиков, художнику, в начале книги, в его детстве, воспитывающая его тётушка позирует для портрета матери с веткой платана в руке (мать разбилась в автокатастрофе, машина врезалась в дерево — и мы понимаем благодаря этой ветке, что дерево было платаном, хотя прямо оно и не сказано). Но тут не просто неизменный интерес поэтессы к ботанике: в самом конце книги именно колонны платанов составят основу того сада, в котором она сама будет переживать смерть своей матери. Череда таких сшивков обеспечивает книге ту же цельность, что и в «Диком ирисе»: разные персонажи с разными жизненными историями говорят одним и тем же голосом, подхватывают и отражают друг друга — образуя в итоге парадоксальный симбиоз лирической единичности и метафизической универсальности. За простыми житейскими историями и нехитрыми притчами неизменно обнаруживается ещё один смысловой пласт, уводящий к той или иной фундаментальной философской или культурологической проблематике: так, всё-то же стихотворение «Летний сад», построенное вокруг фотоснимка матери в молодости, найденного поэтессой после её смерти, написано поверх знаменитой книги Ролана Барта «Camera lucida», в которой все размышления о природе и механизме действия фотографии отталкиваются от фотоснимка юной матери автора в Зимнем саду, найденного философом после её смерти. И вновь, как в «Диком ирисе», сквозным мотивом книги оказывается циклическое, круговое движение — вновь представляющее собой альтернативу смертной линейности, только на сей раз эта альтернатива подвластна чело-

веку, потому что состоит в вечном возвращении к собственному прошлому. Как говорит Глик в одном из стихотворений своего нового сборника «Зимние рецепты общины», вышедшего в 2021 году,

Кто скажет о будущем? Никто ничего не знает
о будущем,

даже планеты не знают.

<...>

Правда в отчаянии. Вот что
знают мать и отец. Все надежды потеряны.
Мы должны вернуться туда, где они потеряны,
если хотим их снова найти.

(Детская история)

Эта стратегия персональной археологии, пристального вчитывания и вчувствования в собственные личные и семейные основания — в личной и исторической ситуации, когда образ будущего оказывается под вопросом, — была выработана и в русской литературе (в частности, в поэзии Марии Степановой и в её романе «Памяти памяти»). Поэтому нет сомнений в том, что при всей необычности используемого Луизой Глик инструментария её поэзия встретит у русского читателя понимание и благодарный отклик.

Дмитрий Кузьмин

ДИКИЙ ИРИС

Перевод Андрея Сен-Сенькова

Дикий ирис

У моих страданий
был выход.

Послушайте: то, что зовётся смертью,
я помню.

Над головой шум, шевелятся сосновые ветви.
Потом ничего. Тусклое солнце
еле теплится над сухой поверхностью.

Как страшно выживать,
когда сознание
погребено в тёмной земле.

Затем всё закончилось: страх
быть безмолвной душой
внезапно исчез, жёсткая земля
немного прогнулась. И то, что я принял за
шныряющих в низком кустарнике птиц.

Знайте же, те, кто не помнит
переход из другого мира,
я смог заговорить снова: всё, что
возвращается из забвения, возвращается
обрести голос:

из моей жизни забил
огромный фонтан, синие
тени на лазурной морской воде.

Заутреня

Светит солнце; рядом с почтовым ящиком копятя
листья раздвоенной берёзы, складчатые, как плавники.
Под ногами полые стебли белых нарциссов —
«кантатрис», «ледяные крылья» —
и тёмные листья диких фиалок. Ной говорит,
депрессивные ненавидят весну, разлад
между внешним и внутренним миром. Я
не столь депрессивна, но в каком-то смысле страстно
вживлена в дерево, моё тело даже
свернулось в расколоте стволе, я почти в покое,
под вечерним
дождём почти способна почувствовать,
как поднимается пенный сок: Ной говорит, что
все депрессивные отождествляют себя
с деревьями, а счастливые шелестят
по саду опавшими листьями — не целое,
а лишь часть.